

«АНГЕЛЬСКИЕ ПСАЛМЫ» СОВЕТСКОГО АРХИТЕКТОРА: ПРАКТИКА ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО И АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ 1930-х гг. В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Е. В. Конышева

*Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
и градостроительства, г. Москва, Российская Федерация*

В статье ставится проблема восприятия и оценки практики советского градостроительства и архитектуры 1930-х гг. иностранными специалистами, работавшими в СССР. В статье показаны некоторые проблемные узлы советской архитектурной и градостроительной практики, становившиеся предметом анализа и оценки европейских специалистов. Объект исследования ограничен публичными и развернутыми высказываниями европейских архитекторов в советской профессиональной прессе и на профессиональных форумах. В качестве спикеров избраны такие авторитетные фигуры европейской архитектуры, как Э. Май, Б. Таут, А. Люрса, Х. Шмидт. В публикации делается вывод, что европейские архитекторы, показывая расхождение путей советской и западной архитектурно-градостроительной практики, делали акцент не на конфликте стилевых форм, а на понимании целей архитектурного творчества, роли и задач архитектора, архитектурной и градостроительной методологии.

Ключевые слова: советская архитектура 1930-х гг., оценка европейских специалистов.

Постановка проблемы

В годы двух первых советских пятилеток почти две сотни европейских архитекторов работали в советских проектных организациях над планировкой и застройкой «социалистических городов». Повседневная проектная работа иностранных архитекторов велась в рамках сложившейся советской практики, и зарубежные архитекторы столкнулись со всеми проблемами, характерными для советского градостроения и архитектуры 1930-х гг.

Ведущие специалисты, имевшие за плечами значительный профессиональный опыт и авторитет, в частности, Э. Май, Б. Таут, Ф. Форбат, Х. Шмидт, А. Люрса, не только выполняли свои прямые профессиональные обязанности, но и рефлексировали по поводу своей миссии, сравнивали европейскую и советскую практику градостроительного и архитектурного проектирования, формулировали и публично озвучивали свои взгляды и оценки. Пытаясь донести свое понимание до советского профессионального сообщества, европейские архитекторы использовали, прежде всего публичные возможности советской профессиональной прессы, до тех пор (середина 1930-х гг.), пока это было еще возможным. Примечательно, что делалось это в практическом ключе — через освещение европейского опыта и собственного опыта проектирования в СССР. Задействовались и бюрократические механизмы — обращения в вышестоящие инстанции по профессиональным проблемам, докладные записки руководству проектных организаций, выступления на собраниях и т. п. Сохраняя профессиональную лояльность, возможность работы в СССР или же исходя из политических убеждений, европейские архитекторы, преимущественно, хранили молчание о проблемах «социалистического строительства» в западной прессе, предпочитая оставить резкую кри-

тику для внутривидового поля, частных писем и личных дневников. Критические тексты, публиковавшиеся время от времени на Западе [см., напр.: 11—13], были относительно редким явлением, тем более, что после 1933 г. подобные тексты расценивались исключительно с идеологической точки зрения, как «льющие воду на мельницу фашизма».

Проблема оценки советской градостроительной и архитектурной практики в 1930-е гг. зарубежными архитекторами, работавшими в СССР, остается до настоящего времени за гранью системных научных исследований. Представляется, однако, что этот взгляд и «изнутри» системы и, одновременно, со стороны людей, сформировавшихся в рамках другой профессиональной культуры, является острым и свежим, незамутненным идеологическим туманом и рутинной привычкой адаптировавшихся к системе советских проектировщиков. Предметом данного небольшого исследования являются ключевые проблемные узлы советской архитектуры, которые становились объектом анализа и оценок европейских архитекторов, характер этих оценок, формы их трансляции. Публикация ограничена не только тематикой, но и источниковой базой — открытым высказыванием через прессу или публичное выступление.

Ключевые проблемы советского градостроительства и архитектуры сквозь призму взглядов зарубежных специалистов.

Ключевым, с точки зрения прибывавших в СССР западных архитекторов-функционалистов, являлось понимание роли градостроителя и архитектора как организатора, а реализованного объекта — как конечного продукта многопланового процесса. Наиболее развернуто это было сформулировано немецким градостроителем и архитектором Ф. Форбатом в ответе на вопрос «Москауэр Рундшау» о значении немецкой архитектуры для

советской: «Один русский коллега, с которым я посетил выставку («Выставка современной германской архитектуры» в Москве в 1932 г. — Е. К.), заметил: если бы имели такие же материалы и технику, мы создали бы лучшую архитектуру в мире. Это замечание проливает свет на корень проблемы: одних только материалов и строительных рабочих совершенно недостаточно без осмысленного взаимодействия всех сил, чьим конечным продуктом является сооружение. Постановка проблемы, сосредоточенной на «архитектуре», ложна. Не о вопросе архитектуры идет речь в советской России, но о предпосылках к тому, что есть путь к архитектуре: выстраивание здоровой строительной деятельности. О производстве строительных материалов и техники, о подготовке квалифицированных кадров строителей и проектирующих архитекторов, о целесообразности организации жизнеспособной взаимосвязи заказа, проектирования и воплощения. Только когда эта система функционирует, тогда строительство выстраивается исподволь: программные установки наделяются жизнью через опыт проектного бюро, опыт стройки становится в свою очередь новым стимулом для проектирующего архитектора» [9]. Все остальное — методики проектирования, внедрение достижений техники и технологии в строительной промышленности и на стройплощадках, типизация, стандартизация и нормирование — понималось лишь как конкретизация общего тезиса.

Однако подобная система не могла быть выстроена в условиях хаоса форсированной индустриализации и урбанизации, промышленных приоритетах и второстепенности гражданского проектирования, ведомственном характере заказа и проектной деятельности.

Наиболее шокирующим для иностранных специалистов было *отсутствие непосредственной взаимосвязи между проектом и его реализацией*. «Чертите спокойно всё, что вы хотите. Проект никак не может оказаться слишком грандиозным, а построено все равно будет не то, что начерчено», зафиксировал немецкий архитектор Р. Волтерс обращенные к нему слова советского инженера-проектировщика, раскрывшего «секрет» советской проектной практики эпохи индустриализации [1, с. 83]. Архитектор группы Э. Мая Х. Шмидт объяснял очевидную для него вещь, что «реализация проекта для западного архитектора является важнейшей частью его работы и занимает первое место в бюджете его рабочего времени... В тех случаях, когда архитектор работает исключительно над проектом, он добивается виртуозности и мастерства только в искусстве наглядного графического представления своего замысла». В то время как «проект должен быть не только красивой картинкой, а одной из стадий в процессе работы над реализацией постройки... и должен, по возможности, полно выявить вопросы практического воплощения здания», а также «установить универсальный тип решения задачи» [7, с. 36]. Б. Таут, со свойственной ему иронией, сравнивал советского архитектора с «идеалистическим ангелом», который «витает в безвоздушном пространстве» и «распевает псалмы, текст которых ему навеян некоторыми современными книгами об архитектуре», а «изготавливаемые

в проектировочном бюро чертежи создают впечатление, что эти бюро существуют главным образом для того, чтобы давать хороший иллюстрационный материал для журналов» [4, с. 42].

При таком подходе не существовало системной связи между архитектором и инженером-строителем, прорабом, рабочим. Архитектор оказывался отстраненным от технических и технологических возможностей строительства, качества материалов и профессиональных возможностей строителей и, в конце концов, от «действительных потребностей, которые подлежат удовлетворению». Тема «архитектор — на леса» в 1930-е гг. не сходила со страниц советской профессиональной прессы, рефреном звучала на совещаниях, конференциях, пленумах, но архивные и опубликованные тексты иностранных специалистов с 1932 по 1937 г. вторят один другому, свидетельствуя о неразрешенной и неразрешимой в советских условиях организации проектирования, проблеме. Конечно, подобный разрыв проектирования и строительства имел объективные причины, совершенно незнакомые европейским проектировщикам — рассредоточенность объектов планировки и застройки по огромной территории страны. Здесь необходимо учитывать, что на рубеже 1920-х — 1930-х гг. шел активный процесс централизации системы проектирования и создания крупных специализированных проектных трестов для преодоления ведомственного хаоса и выстраивания управляемой системы. Но это принесло с собой другую проблему — сосредоточение основных проектных сил в центре и отрыва их от проектируемых объектов. Эта проблема прекрасно осознавалось еще в конце 1920-х гг. как одна из важнейших. Но кардинальное ее решение, которое предлагали иностранные проектировщики — создание самостоятельных объединенных проектных и строительных бюро, не было жизнеспособным в условиях принципов организации проектирования и застройки в годы первой пятилетки. Во-первых, этот путь децентрализации противоречил определяющей тенденции иерархизации и жесткого государственного регулирования и контроля. Во-вторых, в результате реформирования структуры проектного дела на рубеже 1920-х — 1930-х гг. сформировалась сложная многоуровневая и «ветвистая» система: специализированные проектные тресты союзного и республиканского значения, отраслевые проектные конторы и тресты, местные (краевые и областные) проектно-планировочные конторы. Включить в эту несбалансированную систему дополнительные и подвижные звенья, еще и в условиях острого дефицита кадров всех уровней проектной и строительной квалификации, дефицита финансирования и т.п., означало лишь усугубление ситуации. Или, по крайней мере, для этого требовалась мощная организующая властная воля и многолетняя планомерная работа по изменению всей системы проектирования.

С вышесказанным была непосредственно увязана и *проблема персонификации ответственности*, особенно остро стоявшая в трестах градостроительного проектирования, поскольку для создания проекта городской планировки и застройки требовалась

одновременно и профильная специализация, и интеграция. Организация поточного проектирования с жесткой специализацией стадий и видов работы по американскому образцу была эффективна для проектирования промпредприятий, но не планировки городов. Проектные тресты искали разные формы организации процесса проектирования: с одной стороны, формировали профильные отделы, с другой стороны — создавали объединенные бригады по конкретным объектам. Однако, работа могла быть бесперебойной и дать максимальный результат только при эффективной организации всей цепочки процессов, но не в условиях неопытности многих архитекторов и инженеров, недостаточной квалификации технического персонала, недостатка оборудования, частой исполнительской неаккуратности и т. п. При этом господствовал принцип коллективной работы, но в самом худшем его варианте — когда к неравномерному уровню квалификации членов бригады добавлялось отсутствие персональной ответственности, как за весь объект, так и за отдельные элементы. «Проектная обезличка» — так эта проблема обозначалась в советской профессиональной среде. Персональное авторство и персональная ответственность были возможными лишь в тех случаях, когда проект разрабатывался по идее конкретного архитектора или в проектно-планировочной мастерской, ответственной за конкретный проект. В ином случае, по свидетельству архитектора В. Шульца, картина выглядела, например, в Горстройпроекте следующим образом — на переделку проекта, отвергнуто очередной ведомственной комиссией, «наваливался» весь трест, а все остальные работы замедлялись, при этом «новые люди только делали новые ошибки, и волынка тянулась дальше». При этом раздражителем для иноспециалиста была бессмысленность форм, имитирующих бурную «работу над ошибками», прежде всего — многочасовые собрания-дебаты коллектива. На самом деле, эти собрания играли чрезвычайно важную роль — они не только имитировали продуктивную деятельность, но и прикрывали нежелание персональной ответственности за то, или иное решение. «Кто ответственный?» — вот вопрос, который всегда висел в воздухе, — свидетельствовал В. Шульц [11], и стоит заметить, что этот вопрос был характерен для всех сфер и всех уровней советской системы. Вряд ли европейские архитекторы понимали эту черту как имманентную советскому режиму, скорее они воспринимали ее как частную проблему организации проектирования и безуспешно пытались решить ее в этих рамках.

Еще одна «болевая точка» — *индустриализация строительства*. Как считали европейские архитекторы, понимание сути и задач индустриализации было у советских архитекторов в корне неправильным: «Индустриализация это не только введение новых стройматериалов и многочисленных механизмов... Это глубокий и длительный процесс перестройки наших строителей и архитекторов... Это иной качественный подход к проектированию... в техническом и экономическом отношениях...», — писал Х. Шмидт [6]. Иначе говоря, речь вновь шла о методах архитектуры. Советские же архитекторы

подходили к индустриализации очень специфично: «Едва ли кто-нибудь из наших архитекторов будет оспаривать сейчас значение индустриализации строительства. Если наши проекты будут выполнены быстрее, лучше и дешевле, говорят они, тем лучше... Но только чтобы не стесняли их творчества, не связывали их жесткими стандартами, не ограничивали полета их фантазии... Значительная часть архитекторов видит в индустриализации нечто вроде всемогущего аппарата, чудесной машины, безукоризненно выполняющей все, созданное фантазией архитектора... Идеалом индустриализации считается некая американская машина, выполняющая сложнейшую капитель с безукоризненностью ручного исполнения, но в 20 раз быстрее и на 78 % дешевле, чем каменотес в палатце Тьене в Виченце...» [6]. Основным истоком такого понимания европейцы считали «пассивность» советских архитекторов, которые ждут, «когда промышленность предложит те или иные новые методы и материалы, которые им нужно будет изучать и потом требовать для строительства», в то время как западный архитектор, в чью профессиональную квалификацию входит хорошая инженерно-техническая подготовка, сам стимулирует индустриализацию своими поисками максимально экономичного и функционального строительства и соответствующими требованиями к строительной промышленности, считал французский архитектор-функционалист А. Люрса [2].

С точки зрения иностранных специалистов, медленный прогресс в этой области был связан отнюдь не только с проблемами промышленности стройматериалов в СССР или с недостаточностью этих материалов для нужд гражданского строительства. Они связывали это также с тем, что рядовой советский архитектор изначально не соотносит проект с техническими и технологическими возможностями и новациями, не понимает реальной ситуации с их наличием и использованием в практике строительства. Так, молодой немецкий архитектор Г. Козель, работавший как в непосредственной взаимосвязи с практикой строительства в Новокузнецке, так и в столичном Горстройпроекте, отмечал отсутствие налаженной системы информирования. Это касалось перспективных научных изысканий в сфере проектирования и строительства и, соответственно, новых методов, технологий и техники, конструкций и материалов, которые, как следствие находили лишь слабое применение в практике. Это усугублялось тем, что в широкой массе проектировщиков отсутствовал интерес к имеющимся материалам по архитектурно-строительным и проектным новациям (книги, статьи, каталоги и т. п.), не только распыленным по разным архивам, но и невостребованным. Также как отсутствовал системный анализ опыта работы строек с выводами о проблемах и недостатках проектных разработок [10, pp. 71—72].

С этим, по мнению европейских архитекторов, была связана *доминанта художественного начала в советской архитектуре*. С точки зрения Б. Таута, в советской архитектуре продолжает жить «глубоко укоренившаяся мысль, что архитектура принадлежит к области прекрасного, и мысль так глубоко укоренившаяся, что ей охотно жертвовали

практическими соображениями — во имя идеи прекрасного» [3]. Советский архитектор мыслит плоскостью, а не объемом или пространством, и архитектура превращена в «искусство театральных декораций». По мнению Б. Таута, это подтверждается декоративным характером перспективных чертежей, «этими огромными раскрашенными картинками проектов, которыми хотят завоевать сердца не специалистов» и прикрыть планировочные и конструктивные недостатки (Б. Таут называет подобный подход «архитектурной проституцией» [5]), а советских архитекторов отличает «приверженность к перепутыванию архитектуры с писанием картин» [3]. Архитектурный проект понимается как плод художественной фантазии, вдохновения, а проектирование как самостоятельная ценность, в то время как архитектор должен быть «технически-конструктивным организатором жизни» [6]. Отказ от исходной увязки с функциональной целесообразностью и технической возможностью превращает советскую архитектуру в «обман», «идеализм вместо реализма» [4]. И Б. Таут, работавший в 1932 г. Моспроекте, и А. Люрса, работавший в 1934—1936 гг. в архитектурно-проектной мастерской № 5 у Д. Фридмана, сетовали на то, что их работы оценивались советскими архитекторами исключительно с эстетической и стилиевой точки зрения, «между тем как следовало их судить, прежде всего, по качеству их содержания, и по тому, насколько данное решение удовлетворительно отражало это содержание» [2]. Как вспоминал Б. Таут, «в 1932 г. я находился иногда в очень сложном положении. При рассмотрении моих проектов в комиссиях мне единогласно заявляли, что мои планы и разрешение практических задач не находят возражений, но сама архитектура не нравится» [3]. Почти слов в слово ему вторит Р. Волтерс, имея в виду уже градостроительный аспект: «Я злился до бесконечности, когда мне, как впрочем, и другим немецким градостроителям в России повторяли, что генплан функционирует, несомненно, хорошо, но архитектура плохая и скучная» [1, с. 123].

Подобный методологический изъян объясняет столь быстрый переход от новации к традиции в советской архитектуре, и у отдельных архитекторов в частности. Конструктивизм/функционализм — это категория метода, а не формы, и конструктивизм, понимаемый как стилиевая (художественная) форма — лишь эпигонская имитация, используя термин М. Гинзбурга — творчество «в трафаретах нового стиля». «Не приходится даже удивляться, когда те же молодые архитекторы, которые годами истаскивали на ватмане образчики Корбюзье со стеклянными фасадами и садами на крышах, сейчас под руководством старых мастеров архитектуры проектируют фасады, полные классической красоты», — писал Х. Шмидт [8].

Некоторые выводы

Таким образом, выявляя стержневые расхождения советской и западной архитектурной практики 1930-х гг., европейские специалисты вели речь совсем не о конфликте авангардных и ретроспективистских стилиевых форм в советской архитектуре,

как это часто поверхностно воспринимается. Они затрагивали глубинные проблемы. Речь шла о принципиальной разнице понимания задач архитектуры (свободное творчество и самовыражение или подчинение насущным потребностям общества и индивида); о сути архитектурного творчества (доминанта формы (в любом стилиевом выражении) или доминанта содержания, отражающего функциональную потребность); о роли архитектора (свободный творец («Мастер»)) или организатор жизни, подчиняющий свою художественную волю воле потребностей, экономической целесообразности и технической возможности); о методе архитектурного творчества (путь от гениального замысла к его воплощению или путь от экономической целесообразности, технической возможности и потребности — к замыслу). В градостроительной практике, речь шла ровно о том же — о приоритете функционального города над концепцией «города-ансамбля». О необходимости не рассуждения и проектного поиска художественного образа города, а о выстраивании проектной методологии, методики проектного процесса, внедрении методов рационализации труда в проектной деятельности, стандартизации, типизации и нормирования проектных материалов. А в целом — о социальной ответственности градостроителя и архитектора, которая исключает отвлеченные художественные поиски и заставляет архитектора мыслить категориями целесообразности, экономичности, функциональности и основанной на них эстетической концепции.

Ставший доступным массив архивных документов, привлечение широкого круга публичных источников, их анализ и интерпретация вне идеологических «шор», а исключительно с профессиональной точки зрения, требуют нового, более широкого и, по возможности, объективного взгляда на критические воззрения европейских специалистов в сопоставлении с реалиями советской практики.

Литература и источники

1. Волтерс, Р. Специалист в Сибири / Р. Волтерс. — Новосибирск, 2007. Репринт.
2. Люрс, А. Речь по итогам Съезда советских архитекторов / А. Люрс [...] 3.7.1937 // РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1837.
3. Таут, Б. Как возникает хорошая архитектура: статья, предназначенная для публикации в советской прессе / Б. Таут. 1936 // РГАЛИ. Ф. 674, оп. 2, д. 21. Л. 261—290.
4. Таут, Б. О московском строительстве / Б. Таут // Русско-германский вестник науки и техники. — 1931. — № 2. — С. 41—43.
5. Таут, Б. Современная архитектура и ее принципы / Б. Таут // Русско-германский вестник науки и техники. — 1929. — № 1. — С. 80—92.
6. Шмидт, Х. Индустриализация строительства и архитектор / Х. Шмидт // Архитектурная газета. — 1936. — 18 мая. — № 28.
7. Шмидт, Х. Как я работаю / Х. Шмидт // Архитектура СССР. — 1933. — № 6. — С. 36—37.
8. Шмидт, Х. Советский Союз и новое строительство / Х. Шмидт. 1932 // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8.
9. Forbat, F. Deutsche und russische Architektur / F. Forbat // Moskauer Rundschau. — 1932. — 02 окт.

10. Kosel, G. *Unternehmen Wissenschaft. Die Wiederentdeckung einer Idee. Erinnerungen* / G. Kosel. — Berlin (Ost), 1989.

11. Schulz, W. *Der deutsche Architekt in der Sowjetunion* / W. Schulz // *Deutsche Bauzeitung*. — 1932. — H. 30. — P. 581—583.

12. Schulz, W. *Planmäßiger Städtebau in der UdSSR in Theorie und Praxis* / W. Schulz // *Bauwelt*. 23 — 1932. — H. 26. — S. 633—634.

13. Wolters, R. *Spezialist in Sibirien* / R. Wolters. — Berlin, 1936.

КОНЫШЕВА Евгения Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теологии, культуры и искусства Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), ст. научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (г. Москва), Советник РААСН. E-mail: e_kon@mail.ru

Поступила в редакцию 28 февраля 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180203

'ANGELIC PSALMS' OF A SOVIET ARCHITECT: PRACTICE OF URBAN PLANNING AND ARCHITECTURAL DESIGN OF THE 1930s IN THE PERCEPTION AND EVALUATION BY EUROPEAN SPECIALISTS

E. V. Konyshева, e_kon@mail.ru

South Urals State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Moscow, Russian Federation

The article poses the problem of perception and assessment of the practice of Soviet urban planning and architecture of the 1930s by foreign specialists who worked in the the USSR. The article shows some problematic sites of the Soviet architectural and town-planning practice, which became the subject of analysis and evaluation by European specialists. The object of research is limited to public and detailed statements of European architects in the Soviet professional press and professional forums. As speakers, such authoritative figures of European architecture as E. May, B. Taut, A. Lurcat and H. Schmidt were elected. The publication concludes that the European architects, showing the divergence of the ways of Soviet and Western architectural and town-planning practices, emphasized not the conflict of style forms, but the understanding of the goals of architectural creativity, the role and tasks of the architect, architectural and town-planning methodology.

Keywords: Soviet architecture of the 1930s, evaluation by European specialists.

References

1. Wolters R. *Spezialist v Sibiri* [Specialist in Siberia]. Novosibirsk, 2007.
2. RGASPI. F. 517, op. 1, d. 1837. Речь А. Люрса по итогам Съезда советских архитекторов [Speech by A. Lurcat following the Results of the Congress of Soviet Architects]. 3.7.1937.
3. RGALI. F. 674, op. 2, d. 21. Taut B. *Kak vozniakaet horoshaja arhitektura* [How Good Architecture Appears]. 1936, pp. 261—290.
4. Taut B. O moskovskom stroitelstve [About Construction in Moscow]. *Russko-Germanskiy vestnik nauki i tehniki* [Russian-German Herald of Science and Technology]. 1931, No. 2, pp. 41—43.
5. Taut B. *Sovremennaja arhitektura i ee prinziyipy* [Modern architecture and its principles]. *Russko-Germanskiy vestnik nauki i tehniki* [Russian-German Herald of Science and Technology]. 1929, No. 1, pp. 80—92.
6. Schmidt H. *Industrialisazija stroitelstva i arhitektor* [Industrialization of Construction and an Architect]. *Arhitekturnaja gaseta* [Architectural Newspaper]. 28 (18.5.1936).
7. Schmidt H. *Kak ja rabotaju* [How I Work]. *Arhitektura SSSR* [Architecture of the USSR] 1933, No. 6, pp. 36—37.
2. RGALI. F. 674, op. 1, d. 8. Schmidt H. *Sovetskiy Sojus i novoe stroitelstvo* [The Soviet Union and New Construction]. 1932.
9. Forbat F. *Deutsche und russische Architektur* [German and Russian Architecture]. *Moskauer Rundschau*. 02.10.1932.
10. Kosel G. *Unternehmen Wissenschaft. Die Wiederentdeckung einer Idee. Erinnerungen* [Re-opening an Idea. Memories] Berlin (Ost), 1989.
11. Schulz W. *Der deutsche Architekt in der Sowjetunion* [The German Architect in the Soviet Union]. *Deutsche Bauzeitung*. 1932. H. 30. Pp. 581—583.
12. Schulz W. *Planmäßiger Städtebau in der UdSSR in Theorie und Praxis* [Planned Town-planning in the USSR in Theory and Practice]. *Bauwelt*. 23 (1932). H. 26. Pp. 633—634.
13. Wolters R. *Spezialist in Sibirien* [Specialist in Siberia]. Berlin, 1936.

Received February 28, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Коньшева, Е. В. «Ангельские псалмы» советского архитектора: практика градостроительного и архитектурного проектирования 1930-х гг. в восприятии и оценке европейских специалистов / Е. В. Коньшева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 20—24. DOI: 10.14529/ssh180203

FOR CITATION

Konyshева E. V. 'Angelic Psalms' of a Soviet Architect: Practice of Urban Planning and Architectural Design of the 1930s in the Perception and Evaluation by European Specialists. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 20—24. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180203